

наго и гордаго сердца? Проспите меня! проспите! Но вы не отвѣчаете, отворачиваете голову... Ахъ! мой другъ, вы очень жестоки; умоляю васъ, взгляните на *Марію*, которая проспираетъ къ вамъ руки, не откажите мнѣ; къ тому же, вы знаете, я принадлежу къ благородной фамилии *де Нервилей*, въ которой никогда не было прусовъ, и я гопова была умереть отъ одной мысли, что человекъ, любимый мною, перенесъ такое оскорбленіе... Но какъ могла я этому повѣрить? это преступленіе, не проспительное преступленіе... Скажите же мнѣ, какъ просить у васъ прощенія... Взгляните на вашу *Марію*... когда вы на неё взглянете, то не въ состояніи будете долге сердиться... Ахъ! какое счастье! ваша рука жметъ мою руку, вы улыбаеесь; я снова вижу моего *Савиньи* такимъ, каковъ онъ былъ со мною прежде. Ахъ, маменька, позвольте мнѣ обнять его... — И не дожидаясь согласія матери, которая улыбалась, смотря на неё, *Марія* бросилась на шею своего жениха, и жно обняла его и скрыла на груди его лице свое; *Савиньи* прижалъ её къ груди, поцѣловалъ въ голову, выронилъ слезу къ ней на шею, и сказалъ: «милая *Марія*...» Потомъ вырвался изъ рукъ ея и ушелъ, примолвя: «я возвращусь.»

Черезъ часъ подали г-жѣ *де Нервилъ* письмо отъ *Савиньи*, запятнанное кровью. Онъ заспрѣлился.

Бѣдная *Марія*!

V.

— *Жозефъ*, подай мнѣ шоколадъ и принеси журналы! — кричалъ *Ласкуръ* изъ своего алькова. — А! вотъ и журналы! Посмотримъ! прочтемъ свою славу!... Превосходно!... —

«Вчера происходилъ дуэль, и пр.»

— Именно такъ! А, еще имя *Савиньи*.... чтобы это значило?... —

«Вчера, въ два часа по полудни, заспрѣлился на своей квартирѣ г. *Савиньи*. Незвѣстны причины, побудившія его къ сему ужасному поступку. Онъ гоповилъ вступить въ союзъ съ одною изъ знапнѣйшихъ фамилій въ столицѣ.»

— *Савиньи*! не во снѣ ли мнѣ это грезится?... не можетъ быть!... *Савиньи*!... Но

такъ, это онъ; онъ точно хотѣлъ жениться... Нѣтъ больше никакого сомнѣнія! Какая загадка!... сполько храбрости... Однакожь, эта спатья очень суха. Можно было бы воспользоваться этимъ сближеніемъ дуэля и самоубійства; можно было бы сказать что нибудь прекрасное объ отчаянной неуспрашимости человека, который въ одно упрое при раза подвергалъ опасности жизнь свою, и черезъ часъ спуспя рѣшилъ прекратитъ её, не чувствуя ни малѣйшаго отвращенія къ смерти тогда, какъ видѣлъ её передъ глазами... И это такъ чудно-храбрый человекъ дрался со мною! я дрался съ нимъ! Это мнѣ дѣлаетъ честь... Спатьяю надобно будетъ передѣлать. Но какая бы могла быть причина?... не понимаю. Вѣрно онъ помѣшался... А! я начинаю догадываться; дѣло въ томъ, что съ такою головою онъ могъ бы измѣнить нашей пайнѣ, если-бы не заспрѣлился... Подай же мнѣ шоколадъ, *Жозефъ*! —

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С Ъ Т О В А Н І Е Т А С С А.

Поэма Лорда Байрона.

(Посвящено В—ру Н—внѣ Фонъ-Дервизъ.)

I.

Какъ медленно несется время!
 Какъ тяжко для пипомца Музы
 Влачить невольничества бремя,
 Невинной жерпвой быть сихъ узъ!...
 Сносить гоненье отъ шпрановъ:
 Насмѣшки, муки, клевету,
 Возвышенныхъ надеждъ шщепу
 И всю жестокость ихъ обмановъ!
 О, сколь томительно груспитъ
 Моя душа въ сей кельѣ шьной:
 Свобода гордую манишь
 И чистый воздухъ поднебесной.—
 Дверь ненавистная, всегда
 Ты заперта передо мною,
 И птьнъ пвоя своею пьмою
 Лучъ солнца кроетъ отъ меня.—

И мнилъся, что мой спражь щоремной
Съ насмѣшкой злобой и надменной
Сю рѣшетку спережетъ,
И черспвой хлѣбъ мнѣ подаетъ
Рукою хладной, равнодушной.—
Вошь что судьбой дано въ удѣлъ
Тому, кто ей во всемъ послушной
Любишь прекрасное умѣлъ.—

Мои ты испощаешь силы,
О участь скорбная моя!
Уже ли мнѣ и до могилы
Все надобно спосишь тебя?
Но я еще не успуѣалъ
Опчально и злымъ спраданьямъ,
Я все живилъся ожидаемъ.—
Изъ пѣсныхъ спѣвъ сихъ улепалъ,
Въ мечтѣ возвышенной, свободной,
На подвигъ ратный, благородной;
Тамъ геній въ торжествѣ парилъ,
Святымъ восторгомъ окриленный;
Тамъ сонмъ, за вѣру ополченный,
Самъ Ангелъ брани предводилъ.—

Я пѣлъ тебѣ, святой Сионъ!
Я пѣлъ пвое завоеванье,
Весь ужасъ битвъ, невѣрныхъ спонъ,
Твоихъ героевъ ликованье.—
Спасишель міра! мнѣ внемли:
За всѣ спраданія земныя
Награды вѣчныя, благія
Въ небесной жизни мнѣ пошли!—

II.

Ужь кончено сіе шворенье,
Сей угѣшишель мой въ скорбяхъ;
Но если горькихъ слезъ печенье
Сопремъ спихи въ его лиспахъ:
То вѣрьше, что не ропощъ въ мукѣ
Былъ горькихъ слезъ моихъ виной,
Онъ пролишы при разлукѣ
Съ швореньемъ созданнымъ здѣсь мной:
Съ прелеснымъ сыномъ воображенья,
Который жизнь мнѣ услаждалъ,
Съ кѣмъ я пріятно забывалъ
Весь ужасъ моего помленья;
Но покидаешь онъ меня!

И сколь грущу и плачу я!
Для проспи, бурей преломленной,
Тяжелъ ударъ ей нанесенной.—
Что мнѣ предвидѣшь?—что мнѣ ждашь?
Мое спокойствіе въ могилѣ.—
Увы! оспалось лишь искать
Опрадъ въ одной душевной силѣ.—
Душа еще шверда моя,
Она не знаетъ угрызений;
Средь спрашныхъ вкругъ меня явленій
Неизмѣнился духомъ я.—

Несправедливые щипающъ,
Что рокъ лишилъ меня ума:
Гдѣ-жь признаки?—пусъ опвѣчаютъ!
Элеонора! ты сама
Скажи: замѣчено-ль шобою,
Что почю умъ поперялъ мною?..
Влекомый пылкостью желаній,
Я, безъ сомнѣнья, былъ не правъ,
Тебя, прелестная, избравъ
Предметомъ спрашныхъ чувшвованій.—
Я помнилъ чувствъ моихъ законъ;
Я позабылъ съ рашетомъ свѣта,
Сколь жребій швой былъ раздѣленъ
Съ судьбою бѣднаго поэта.—
Но шупъ не умъ мой заблудился,
Но сердце полное шобой:
Твой взоръ былъ миль—я имъ плѣнился;
И вошь единшвенной виной,
Что я опъ общеспва, опъ милыхъ
Опвержень злобою людей;
И обречень жишь какъ злодѣй
Въ спѣнахъ сихъ мрачныхъ и унылыхъ.—

Пусть я шерплю, Элеонора,
Пусть буду вдвое я шерпѣть:
Но швоего лучъ ясный взора
Все будетъ въ сердцѣ пламенѣть.—
Ты знаешь, быспро исчезаешь
Пыль спраспи въ щастливой любви,
Въ пещасной же не угасаешь,
Пылаешь вѣчно онъ въ крови.—

III.

Но что такое надо мной?
Я слышу яроспные крики;

Ужасенъ мнѣ сей голосъ дикій,
Сей звукъ безумья роковой.—
Сей вопль назначенныхъ судьбою
Быть въ узахъ плѣдомъ и душою.—

Сколь часто тѣ, чьему надзору
Сія спрдаальцы вручены,
Ужаснѣй ихъ, въ испуоу пору,
Бывають смысла лишены:
Жестокіе, мученъемъ злобнымъ
Мечпають жалкихъ излечить,
Тѣмъ ихъ разсудка проясншпъ
Тиранспвомъ звѣрспву только сроднымъ.—
Лишенный радоспной свободы,
Свидѣтель спрашпныхъ сихъ карспннъ,
Съ поскливой думою—одинъ,
Провель я многіе здѣсь годы.—

IV.

Увы! чрезмѣрно я терпѣлъ,
Но до конца терпѣшь желаю.—
Забывъ здѣсь много, что хотѣлъ;
Но все невольно возбуждаю
Въ помпшпльной мечнѣ моей
Воспомпнанья прошлыхъ дней—
И расправляю сердца раны.—
Прощу ли вамъ, мои шпраны?
Вамъ, заключившіе меня
Въ юдоли горя и спрданья,
Гдѣ безъ опрадъ, безъ упованья
Влачптся жизнь шеперь моя.—
Гдѣ смѣхъ—не еспъ знакъ чувспвъ весельхъ,
И мысль гдѣ еспъ—не знакъ ума;
Гдѣ видѣнъ ужасъ мукъ ппжелыхъ,
Безумья гореспная пѣма.—
Изъ жерпвъ гдѣ умспвенной неволи,
Всякъ помпнаепъ лишь себя,
Всѣ, кромѣ одного меня,
Доспойнаго не этой доли.—
Попухнепъ ли моя досада
Проппвъ гонптелей моихъ?
По пауспенію ли ада,
Томя меня въ спрданьяхъ сихъ,
Унизпли въ умѣ людей,
Осппаяпъ мой собспвенный желали,
Мой образъ мыслей осуждали—
Лпшпши пчастья лучшихъ дней?—

Уже-ль рѣшпться на опмщене?
Нѣптъ, месптъ низка въ глазахъ моихъ;
Я спшкомъ гордъ,—пустъ Провпдѣнъ
Караепъ за жестокосп ихъ.—
Прощаю имъ несправедлпвостъ,
И жду я смерптъ—какъ неба мплосптъ!—
Такъ, божеспво души моей!
Пускай печальпныхъ мыслей въ ней
Не будептъ вообще съ побою.—
Пустъ пвой жестокій, гордый брампъ
Ко мнѣ пппаепъ злобы ядъ,
Но я не мсппшпленъ душою.—

V.

Исплѣдуй пы мою любовь:
Она ясна какъ лучъ денпцы,
Какъ помпный, спраспный звукъ цѣвпцы
Она волпуептъ ппхо кровь;
Опчаянне и испуупленне
Еще не подружплись съ ней,
Но съ каждымъ днемъ еѣ помпенне
Все пламеннѣе, все спраспнѣй.—
Она мой геній, мой хранптель,
Надежда мплая моя,
Едпный въ жпзпн ушѣшптель,
Она мнѣ прелестъ бытпя.—
Какъ въ мракѣ грозныхъ, бурныхъ пучъ
Скрываептъ молпня свой лучъ:
Такъ и любовь сія сокрыта
Глубоко въ сердцѣ у меня;
Какъ молпня средъ зпойна дня
Бываептъ пучею излпта:
Такъ и при имени пвоемъ
Огонь по жпламъ пробѣгаептъ,
И вдругъ мгновенно воскрешаептъ
Воспомпнанне о быломъ.—
Въ томъ мпгѣ въ мпнувшемъ я душой,
—И мнѣ опрадпо заблуждене!
По бпспро мплое видѣнне
Вновь исчеаептъ предо мной.—
Нѣптъ, я не ослѣплалъ себя
Пустой, несбыточной мечшою:
И жребій, данный мнѣ судьбою,
И санъ пвой спшкомъ вѣдалъ я.—
Ни словомъ я, ни вздохомъ спраспнымъ

Любви моей не обличилъ,
И не щипалъ пого опаснымъ,
Что впайишь споль шебя любилъ;
И спраспъ безъ удовольворенья
Была мнѣ верхомъ наслажденья.—
Въ ней все мое я заключалъ:
Что душу къ жизни привлекало,
Что чувспва сердца мнѣ щипало,
Награду въ чемъ мою щипалъ.—
И если взоръ мой непослушнымъ
Бывалъ разсудку иногда,
За то наказанъ былъ всегда
Твоимъ молчаньемъ равнодушнымъ.—
Ты для меня всегда была
Предметомъ сладоспныхъ мечпаній;
Мысль о шебѣ въ душѣ жила
Свяпымъ залогомъ упованій
Небесныхъ будущаго дней.—

Не обольщался саномъ я,
Тебѣ дарованнымъ судьбою;
Я былъ плѣненъ одной побою,
Я обожалъ въ шебѣ—шебя.—
Любовь шебя мнѣ предспавляла
Небесной госпней на землп,
Какъ божеспвомъ побой щипала
Душа надежды всѣ свои.—
Я дорожилъ судьбой моей,
Ты мной повелѣвашъ умѣла;
— И, чудно, что всегда блѣднѣла
Моя звезда передъ швоей.—

Когда любилъ шебя невольню
Безъ цѣли, безъ надеждъ еспъ зло:
То я наказанъ ужъ довольно;
Но все въ душѣ не умерло
Небесъ прекрасное внушенье—
Я все люблю!.. И если-бъ я
Могъ разлюбилъ, забылъ шебя,
Тогда моей ужасной доли
Доспоинъ былъ бы я вполне.—
Любовь причиною неволп
Томищельной, ужасной мнѣ;
Но не еѣ-ль свяпымъ внушеньямъ
Обязанъ шѣмъ, что я сношу
Судбу мою съ шакимъ шерпньемъ.—

Одной побою я дышу,
Тобой одной дышашъ желаю,
И всѣ спраданья презираю.—

VI.

Сему не надо удивляшся,
Узнавши королшко меня:
Съ дней дѣтства начала щипашся
Огнемъ любви душа моя.—
Сколь часпо—лишь вспрѣчали взоры,
Я былъ готовъ любить душой.—
Лѣса, пущыни, доли, горы,
Мнѣ соспавляли рай земной;
Тамъ распроспершися уныло,
Подъ стнью мрачною деревъ,
Бесѣдовать любилъ я съ милой
Мечпой по нѣсколку часовъ.—
И спарцы мудрые главами
Качали шедъ мимо меня,
Съ примѣшпой скорбью предрекали,
Что злополученъ буду я,
Что я, любящій праздноспть, волю,
Себѣ готовилъ злую долю.—
Совѣшъ ихъ былъ, чтошбъ наказаньемъ
Спарашся нравъ мой измѣнлшъ,
И шѣмъ зло слѣдспвій упредлшъ.—
Но шщепно жершвой наказаній
Жеспкокихъ, шяжкихъ я бывалъ:
Я не помился опъ спраданій,
А ихъ съ презрѣньемъ прокллналъ;
И въ шшшину уединенья
Опашъ украдкой уходилъ,
Гдѣ, на свободѣ, слѣзы лилъ—
И на яву зрѣлъ сповлѣнья!....
Въ лѣпахъ же мужеспва и силы,
Я чувспвовалъ: душа моя
Полна надеждъ каклхъ-шо мллхъ,
Каклхъ-шо таинъ бшшл.—
Мои мяшежныя желанья
Я самъ не могъ опредѣлшъ:
Томллся чувспвомъ ожданья,
Не могъ споклойспвія найпшшъ;
Какой-шо млмый идеалъ
Мои всѣ мысли занималъ.—
Но, лишь шебя передъ собою,
Элеонора, я узрѣлъ,

Сей міръ исчезъ передо мною—
Я все мое въ тебѣ обрѣлъ!—
Предметъ надежды и мечты
Была, единственная, ты.—

VII.

Любивъ всегда уединенье,
Какъ могъ я прежде полагать,
Чтобъ сполнъ надолго опчужденье
Опъ всѣхъ людей мнѣ испытать.—
Товарищей моихъ несчастныхъ,
Сихъ жертвъ враждующей судьбы,
И нашихъ приставовъ ужасныхъ
Возможно ли назвать людьми?—
Давно бы ранила могила
Моимъ удѣломъ здѣсь была,
Когда-бъ опчаянїя сила
Мой гордый духъ превозмогла.—
Но кто видалъ, чтобъ испуленнымъ
Я до безумїа бывалъ?
На Провидѣнїе чтобъ ропсалъ
Въ бреду, шоской произведенномъ?
Тюрьма, гдѣ я живу съ шоскою,
Неспособѣ скалы пустой,
Куда пловець, съ одной доскою,
Заброшенъ бурною волной.—
Онъ проспиралъ взоръ унылой,
Міръ Божїй видѣлъ предъ собой:
Увы! мой міръ передо мной
Немного болѣе могилы.—
Оспрадный блескъ свѣтила дня
Сей сводъ скрываетъ опъ меня....
Но, я пергѣлъ имѣю силы.—

VIII.

Въ семь спрашномъ мракѣ заключенья
Едва ли сохраню мой умъ;
Уже чудесныя видѣнья,
Плоды превожныхъ, черныхъ думъ,
Мнѣ предспавляясь начинаюшь;
И зришься: иногда блистаюшь
Спѣна и сводъ моей шюрмы,
И злые духи нагѣваюшь
Мнѣ пѣсни спрашныя свои.—
Я началъ чувспвовать пѣ боли,
Конихъ, среди опрадной воли,

Не можешь смерпный испытать.—
Мнѣ спрашенъ спаль сей звукъ цѣпей!
Мнѣ душенъ мракъ шюрмы моей!..—

Бышь можешь, что враждебный геній
Восторжествуетъ надо мной,
Употребивъ для искушений
Минуты скорби роковой.—

IX.

Я прежде пылокъ былъ душою
И живо могъ все ощущать;
Но, все прошло!.. Теперь мечшою
То время я могу назвать.—
Изгрызло ноги мнѣ цѣпями!...
И если сими кандалами
Не могъ себя я умерпвить,
Могъ всѣ спраданья пережить:
То симъ обязанъ нежеланью
Прослышь убійцею себя,
И дашь возможность къ оправданью
Клевещъ пирановъ на меня,
Что будшо умъ поперянь мною.—
Я не хотѣлъ молвой такою
Безчестить память о себѣ.—
Нѣтъ, нѣтъ, одно безсмертье мнѣ
Въ удѣлъ назначено судьбою.—

Льша спремительно пройдушь,
Здѣсь келья въ храмъ преобращишь,
Куда народы поклонишь
Съ благоговѣнїемъ придущъ!—
Феррара! И себя не спанешъ,
Наспушишь и швоя чреда!...
Твое могущество увянешъ,
Чертоги рушатся;—тогда,
Тогда швоею прочной славой
Моя пемница можешь бышь,
И лавръ поэта величавой
Тебѣ вѣнецъ швой замѣнишь.
Элеонора! и швоя
Исчезнешъ красота и младость,
Какъ исчезаетъ жизни радость,
Какъ исчезаетъ опблескъ дня.—
Въ черпогахъ брата швоего
Замолкнешъ шумъ пировъ его.—
Тогда сорвешъ ты лавръ зелѣный

На каміъ гробовомъ моемъ,
 И онъ блистательнѣй короны
 Возблещеть на чель пвоемъ.—
 По смерти же меня съ побойю
 Не разлучишь уже ничпо,
 Какъ въ мірѣ семъ тебя шкпо
 Не разлучилъ съ моею душою.—
 Элеонора! рокъ судилъ,
 Карающій насъ здѣсь споль грозно,
 Чпобъ я соединеннымъ былъ
 Съ побой, увы!.. по слишкомъ поздно!..

В. Трубниковъ.

Рязань.
1855.

LOGOGRIPE.

Des amans bien épris, je comble tous les vœux;
Dérange un de mes pieds, et je chante les Dieux.

Въ Но 51, помѣщенный логогрифъ значить: *Мракъ*.

MODES.

Nous avons annoncé quelques détails sur une riche corbeille qui nous a été montrée récemment; nous nous arrêterons seulement aux objets de fantaisie les plus saillans. Parmi les robes, on remarquait des poux de soie chinés à dessins bizarres, et d'autres brochés à fleurs de couleurs vives, fond blanc, fond noir, et une troisième écru. — Le pou de soie fond blanc, à roses informes, était une redingote habillée. La jupe de dessous, garnie d'un haut volant de dentelle blanche; celle de dessus, ouvrant tout-à-fait vers le bas, garnie d'une ruche découpée sur le devant; le corsage de dessus demi-montant, plat, fermant en cœur, était garni d'une mantille de dentelle blanche, qui retombait en pélerine sur le dos et les épaules; dessous, le corsage plat était décolleté, les manches courtes, avaient d'énormes sabots de dentelle qui couvraient le coude.

L'étoffe à fond noir, chinée en larges flammes violettes, entrecoupées de rosaces bizarres, jaunes et rou-

ges, était faite sur le modèle de la blanche, excepté que les dentelles étaient noires.

Le pou de soie écru, chiné rouge et noir, avait été réservé pour redingote de promenade; la jupe très-simple, se fermait devant par cinq nœuds de ruban, parfaitement assorti à l'étoffe. La pélerine avait été faite en mantille, garnie d'un volant d'étoffe, et se fermait par des nœuds semblables à ceux de la robe.

Pl. No 19. Les habits portés à Paris le 12 Juin n. st.

МОДЫ.

Мы обѣщали нѣсколько подробностей о богатой корзинкѣ, которую недавно видѣли; мы остановимся только на предметахъ прихоти, самыхъ значительныхъ. Между платьями, замѣнены были изъ волнистыхъ *pou de soie*, съ спранными узорами; другія съ зашканными цвѣточками яркихъ цвѣтовъ, по бѣлому, чѣрному и суровому грунту.—Нарядный рединготъ былъ *pou de soie*, по бѣлому грунту неправильныхъ розы. Нижняя юбка сдѣлана широкою оборкою изъ бѣлаго кружева; верхняя же, открывая совершенно къ низу, сдѣлана высѣченнымъ рюшемъ спереди; верхній полу-открытый гладкой лифъ, спереди сердцемъ, обшитъ бѣлою кружевною маншильею, которая висѣла какъ пелеринка на спицѣ и на плечахъ; нижній лифъ гладкой, открытый; рукава коронки, съ огромными кружевными *sabots*, закрывавшими локоть.

Черная матерія волнистая, широкими фиолетовыми пламями, перерезанными спранными кружками, желтыми съ краснымъ; платье сдѣлано было на подобіе перваго, выключая кружевовъ, которые были чѣрные.

Pou de soie суроваго цвѣта, по которому красныя съ чѣрнымъ волны, оспавленъ былъ для редингота, для прогулки; юбка весьма проста, схватывалась спереди пятью баншами изъ ленпъ, сошвыспивующихъ шкани. Пелеринка сдѣлана была маншильею, обшита оборкою изъ матеріи, и схватывалась баншами, также какъ платье.

Карш. No. 19. Платья, кои появились въ Парижѣ 12 Юня н. ст.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ или ВТОРОЙ 1833 ГОДА.

С. П. Бургъ.—Въ Типографіи Главнаго Управленія П. С.—Печаташь позволяется: 26 Юня 1833 года

Цензоръ А. Никитенко.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 52.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, Іюля 1 дня 1833 года.

Мы видимъ щастья нѣтъ въ мечтахъ земнаго свѣта:
Есть щастье гдѣ нибудь: нѣтъ нѣтъ безъ предмета.

Карамзинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Т Р У С Ъ.

(*Окончаніе.*)

III.

На другой день, въ одиннадцать часовъ утра, слѣдующая сцена происходила за Мон-мартрскою заспавою. Открытый исполетный ящикъ стоялъ на землѣ, и два человека, въ пятнадцати шагахъ одинъ отъ другаго, еще держали въ рукахъ оружіе. Тогда одинъ изъ свидѣтелей подошелъ къ нимъ и съ твердосію сказалъ: «милоспивые государи, вы сдѣлали шесть выстрѣловъ, эшаго довольно для вашей чести, и слишкомъ много для нашей совѣсти; вы должны кончить бой, или мы разойдемся.» Бой въ самомъ дѣлѣ прекратился. *Ласкуръ* подошелъ къ *Савиньи*, прося у него руку.— Я не имѣю права отказать вамъ въ ней, отвѣчалъ *Савиньи*, и протянулъ ему руку.— Теперь, господа, сказалъ *Ласкуръ*, обращаясь къ свидѣтелямъ, прежде нежели мы разспанемся, я попрошу васъ подписать свидѣтельство о томъ, что мы, по еспѣ г. *Савиньи* и я, носпутили въ эшомъ случаѣ какъ благо-

ные люди. Онъ потчасъ сѣлъ на землю и написалъ карандашемъ слѣдующее:

«Сегодня упромъ происходилъ въ Мон-мартрѣ дуэль между гг. *Савиньи* и *Ласкуромъ*, главнымъ редакторомъ журнала ***. Съ обѣихъ споронъ сдѣлано было по три выстрѣла, и мы по чести объявляемъ, что оба соперника показали себя при семъ какъ должно благороднымъ и храбрымъ людямъ.»

Подписали: *Делоне.*— *Деркуръ.*
Ленуаръ.— *Морваль.*

Послѣ эшаго, *Делоне*, свидѣтель со спороны *Ласкура*, подошелъ къ *Савиньи* и сказалъ ему:

— Милоспивый государь, я очень желаю, чпобы знакомство наше, начавшееся въ такихъ неприяпныхъ обстоятельствевахъ, эпимъ не кончилось; ваши благородные и достпйные уваженія поспупки заспавляютъ меня предложипъ вамъ мою дружбу, и если вамъ угодно подарипъ меня своею, то я спану ею гордипсья, какъ дружбою одного изъ благороднѣйшихъ людей, которыхъ я знаю.— *Савиньи* поклонился.

«Позвольте, господа,» сказалъ *Ласкуръ*, подошедши къ *Савиньи* и опвода его въ спорону: «позвольте мнѣ сказать нѣсколько

Романсъ; соч. Л.	239.
Падгробиѣ; соч. И. Пальмина	—
Встрѣча съ домовымъ; соч. В. Капоперскаго	247.
Русская пѣсня	стрп. 247.
Разоблаченіе; соч. Ѳ. Глинки	253.
Мелодія; соч. В. Романовича	—
Я васъ забылъ; соч. П. Никифорова	263.
Эпиграмма	—
Земная цѣпь; соч. Трихуннаго	269.
Мечты	278.
La folle de la vallée de ***	279.
Весна; соч. П. Никифорова	286.
Фантазія; соч. А. Слѣпцова	287.
Эпиграмма; соч. Сарандинаки	—
Звуки; соч. Якубовича	295.
Разлука; соч. П. Чижова	—
Пѣсня; соч. В. Ш.	—
Элегія; соч. П. Никифорова	303.
Эпиграмма; соч. Сарандинаки	—
Н. Н. при подписаніи моихъ повѣстей и разсказовъ; соч. Каргофа	311.
Освященное мѣсто	—
Экспромптъ; соч. В. Романовича	—
Хмѣль; соч. Ѳ. Слѣпугинина	319.
Спаруха, басня; Е. Алитанова	—
Черты осени; соч. Ѳ. Глинки	327.
Характеристика	—
Шампанское; соч. Ѳ. Слѣпугинина	—
Алтанъ-Аргинакъ; соч. И. Нагибина	333.
Муза	340.
Элегія; соч. Ѳ. Тулаускаго	341.
17 Сентября 1824 года	—
Къ моихъ стихамъ; соч. П. Никифорова	350.
Къ звѣздѣ; соч. Н. Ставелова	351.
Le sylphe; par Alexandre Dumas	—
Смерть Фигера; соч. Ѳ. Глинки	357.
Къ Н. Н.; соч. Батюшкова	367.
Сопѣтъ, въ альбомѣ ***; соч. В. Щитнаго	—
Новый годъ; соч. Б. Федорова	374.
Романъ моего опца; соч. Бардинскаго	380.
Обновленіе; соч. А. Глѣбова	389.
Деревица; соч. А. Грена	390.
Эпиграмма; соч. М. Сарандинаки	—
Ночь на Безобдалѣ; соч. И. Косляревскаго	398.

Цвѣты любви; соч. А. Подолинскаго	407.
Намаша, послыщ. А. Д. О...й; соч. П. Обо- довскаго	—
Сѣтованіе Тасса, поэма лорда Байрона, посвящ. В—рѣ И—виѣ Фонъ-Дервизъ; соч. В. Трубни- кова	стрп. 411.

IV.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Репертуаръ за 1833 годъ (Оконч.)	254.
Обозрѣніе концертовъ, данныхъ въ продолженіе последняго Великаго поста	341.

V.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ; соч. А. Пушкина	270.
--	------

VI.

ШАРАДЫ, ЛОГОГРИФЫ, АНАГРАММЫ, ОМО- НИМЫ, ЗАГАДКИ.

Русскія.—Шарады: 1) Шар-а-да; 2) Пол-уда; 3) Порш-ной; 4) По-бѣда; 5) Крап-ива; 6) Я-бѣда; 7) Пор-охъ. Логогрифы: 8) Громъ; 9) Мракъ. Анаграммы: 10) Миръ; 11) Паръ. Омониимы: 12) Буракъ; 13) Орель.

Французскія.—Шарады: 1) A-larme; 2) Bal-vec; 3) Sou-rire; 4) Bis-bille. Логогрифы: 5) Charme; 6) Balle; 7) Bamberg; 8) Patrie; 9) Palmure; 10) Numen. Загадки: 11) Le masque; 12) Nameçon; 13) Pouls.

VII.

МОДЫ.

Статьи о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Пешербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ и выдано 9 искусство-выгравированныхъ и раскрашенныхъ картинокъ.